

Яйца, которые Фан Чжуншань заботливо оставил на завтрак, Цзян Жан так и не решился съесть.

Сяо шуаньэр бережно уложил их в корзинку вместе с полуцзином пшена, рассудив, что это послужит добрым подношением Линь Фэну. При этом он без конца напутствовал мужа:

— Мы ведь идем просить о помощи, так что и вести себя нужно скромно. Если он откажется, ни в коем случае не настаивай.

На следующее утро молодые супруги поднялись ни свет ни заря.

Цзян Жан оказался на редкость работящим. Стоило ему встать, как он сразу принялся хлопотать у кухонного очага. Он долго томил на огне жидкую рисовую кашу, и когда наконец приподнял тяжелую деревянную крышку, вместе с густым паром по кухне разлился упоительный, чистый аромат разваренного риса.

Жемчужные крупинки так разбухли, что стали почти прозрачными, а сам отвар вышел густым и наваристым. Наполнив большую глиняную миску, юноша выставил ее на деревянный стол в передней комнате, чтобы каша успела немного остыть и Фан Чжуншань смог позавтракать теплой пищей.

Хоть Жан-эру уже исполнилось девятнадцать, из-за прежней безрадостной жизни в доме Цзян он выглядел хрупким и малорослым. Из-за этого детского личика и привычки спозаранку приниматься за тяжелую домашнюю работу Фан Чжуншань всякий раз чувствовал укол совести, словно безжалостно эксплуатировал ребенка.

Выйдя в сени, он мягко проговорил:

— Мы теперь живем вдвоем, никто над душой не стоит, так что не нужно так усердствовать. Зачем подниматься до рассвета? Это ведь так утомительно.

Цзян Жан растерянно замер, а Чжуншань продолжил:

— Домашние хлопоты — дело нелегкое, и негоже тебе одному со всем справляться. Давай со следующего дня распределим обязанности: будем готовить и прибираться по очереди, через день.

Юноша остолбенел от изумления. Он впервые в жизни слышал, чтобы ханьцзы сам, добровольно, вызвался делить с мужем домашнюю работу!

Что в его родной деревне Цзян, что здесь, в деревне Речного Отдыха, мужчины испокон веков считались полновластными хозяевами, чье слово — закон. Даже новый отец его, господин Юань, пользовавшийся безграничной благосклонностью, никогда бы не посмел потребовать от

своего ханьцзы возиться у плиты или мыть посуду.

К тому же деревенские жители привыкли уходить в поле с первыми лучами солнца. Если не приготовить еду заранее, разве муж не уйдет на тяжелую работу голодным?

Заметив его ошеломленный взгляд, Чжуншань усмехнулся и в шутку добавил:

— И вообще, если спать так мало, то совсем перестанешь расти.

Цзян Жан лишился дара речи.

Пусть деревня Речного Отдыха и прозябала в бедности, низкорослыми ее обитатели не были. Даже обычные Сяо шуаньэры нередко вытягивались до пяти чи и семи цуней, не говоря уже о рослых ханьцзы.

Эти слова попали в самое больное место юноши, который едва-едва достигал пяти чи и пяти цуней. Цзян Жан не на шутку обиделся и, набравшись смелости, впервые выказал характер:

— Тьфу-тьфу-тьфу, нельзя с самого утра говорить такие гадости! Я еще очень молод, мне расти и расти! Вот увидишь, я обязательно стану выше!

Глядя, как забавно сердится его маленький супруг, Чжуншань лишь тепло улыбнулся и промолчал, решив больше не испытывать его терпение.

Сваренная на рассвете каша оказалась на диво сладкой и сытной. Они быстро управились с завтраком, не оставив на донышках мисок ни крупинки.

Верный своему слову, Чжуншань наотрез отказался пускать Жан-эра к грязной посуде. Он решительно забрал миски и принялся отмывать котелок. Юноша, привыкший всю жизнь безвылазно трудиться по хозяйству, растерянно замер в сторонке, не зная, куда себя деть — то ли присесть, то ли остаться стоять.

Видя его замешательство, Чжуншань негромко рассмеялся:

— Да ладно тебе, это всего лишь пара мисок. У тебя такой вид, будто небо на землю рушится.

Цзян Жан все еще чувствовал себя неловко от подобной непривычности, но спокойная уверенность Чжуншаня постепенно передалась и ему. Юноша расслабился и стал тихонько помогать, подавая кухонную утварь и обтирая вымытую посуду чистой тканью.

Покончив с домашними делами, Фан Чжуншань собрался в путь — навестить охотника Линь

Фэна, с которым беседовал накануне.

Цзян Жан семенящим шагом поспешил за ним, бережно прижимая к себе обеими руками плетеную бамбуковую корзину. Он то и дело заглядывал внутрь, проверяя, не побились ли яйца.

— Нельзя ведь идти к человеку с пустыми руками, когда просишь о таком важном деле, — наставительно произнес он. — Пусть наше подношение скромно, зато от чистого сердца.

Глядя на то, каким послушным и милым был его молодой супруг, Чжуншань ласково предложил:

— Может быть, сходишь со мной?

Цзян Жан от неожиданности растерянно ахнул и смущенно отступил на пару шагов:

— Мне... Сяо шуаньэру ведь не положено соваться в такие дела. Полноправные ханьцзы могут счесть это неуместным.

В Стране Великого Спокойствия положение Сяо шуаньэров было крайне приниженным. Зачастую им не позволялось даже показываться на глаза гостям, переступившим порог дома, так что опасения юноши были вполне обоснованны.

Однако Чжуншань придерживался иных взглядов. Раз уж он взял Жан-эра под свое крыло, ему хотелось, чтобы тот перестал вечно прятаться от людей, стал увереннее и свободнее.

— Но если ты останешься, кто меня удержит? — с напускной тревогой вздохнул Фан Чжуншань. — Вдруг мы с этим охотником не сойдемся характерами и в пылу спора дойдет до драки? А если ты будешь рядом, то сможешь вовремя нас разнять.

За те несколько дней, что они провели вместе, Цзян Жан успел понять, что его муж — человек степенный и разумный, и вряд ли бы стал решать вопросы кулаками. Однако Чжуншань говорил так серьезно и вел себя столь убедительно, что простодушный юноша захлопал ресницами и в конце концов несмело согласился:

— Ну... хорошо. Я пойду с тобой.

Линь Фэн промышлял охотой в лесах у горы Одинокого Шамана вот уже тридцать лет. У него не было ни родителей, ни братьев, ни собственной семьи. Одиноким ханьцзы сам срубил бревенчатую хижину у подножия горы и прожил в ней больше половины жизни.

В деревне Речного Отдыха и окрестностях таких нелюдимых охотников хватало.

Местные жители больше всего уважали работающих пахарей да грамотеев, а на лесных добытчиков смотрели свысока. Для крестьян человек, который вечно бродит по диким чащобам лицом к лицу со свирепым зверьем, казался неподходящей партией. Никто не спешил отдавать за охотников своих дочерей или Сяо шуаньэров.

К тому же злые языки постоянно судачили, будто у этих людей от вечного пролития звериной крови сердца черствеют, отчего все они поголовно скоры на расправу и дома нещадно бьют жен и детей. Людская молва порой страшнее тигра — неудивительно, что многие стареющие охотники так и коротали век в полном одиночестве.

Когда Чжуншань со своим юным супругом подошли к дому охотника, Линь Фэн сидел в полумраке хижины и неторопливо точил каменный нож. Стук в дверь искренне его удивил: в этих краях у него не водилось ни родных, ни близких знакомых, и ждать гостей было решительно не от кого.

Распахнув тяжелую дверь, Линь Фэн сразу узнал стоявшего на пороге молодого человека.

— Фан Чжуншань? — изумился он. — Какими судьбами?

Вчера они перекинулись лишь парой слов, и никакой особой дружбы между ними завязаться не успело.

Чжуншань же держался совершенно непринужденно. Он протянул бамбуковую корзину вперед и без лишних предисловий объявил:

— Пришел проситься в ученики.

Эта прямота лишила Линь Фэна дара речи, а стоявшего чуть позади Цзян Жана и вовсе повергла в глубокий шок. Кто же заводит разговор о наставничестве вот так сразу, без единого слова вежливости!

Опасаясь, что излишне резкий напор мужа оскорбит хозяина дома, юноша поспешно выступил вперед и попытался сгладить углы:

— Дядя Линь, не поймите превратно! Старший брат Чжуншань искренне восхищается вашим мастерством и очень хотел бы перенять у вас умение охотиться.

Он указал на корзинку с дарами:

— А это скромный знак нашего почтения. Пожалуйста, примите его.

Вопреки опасениям Жан-эра, Линь Фэн ничуть не рассердился. Напротив, поняв намерения

гостя, он просиял.

Пусть крестьяне и презирали охотничье ремесло, сам Линь Фэн любил свое дело всей душой. И когда крепкий, толковый парень сам пришел просить его о науке, у старого охотника не нашлось причин для отказа. Он радушно отступил в сторону, приглашая гостей войти в дом:

— Проходите, проходите, присаживайтесь!

Линь Фэн оказался человеком бесхитростным и сразу выложил все как есть:

— То, что ты решил перенять мое ремесло, мне только в радость. И забудь про эти формальности с ученичеством, зови меня просто дядей Линем. Одно скажу: охота требует великого терпения. Нужно уметь сносить невзгоды и подолгу терпеть одиночество в глуши. Как раз сегодня после полудня я собирался выйти на промысел. Идем со мной, проверим, по плечу ли тебе такая доля.

Выносить лишения и подолгу оставаться наедине с дикой природой для Фан Чжуншаня, который с юных лет промышлял сбором целебных трав в глухих ущельях, было делом привычным. Он без колебаний согласился, и они сразу договорились о совместном выходе в тайгу.

Сидевший рядом Цзян Жан почувствовал, как у него тревожно сжалось сердце. Беспокоясь за мужа, который никогда прежде не ходил на зверя, он поспешно спросил:

— Старший брат Чжуншань никогда не охотился. Идти в чащу уже сегодня... не слишком ли это поспешно?

Беспокойство юноши было столь явным, что Линь Фэн, знавший о недавней женитьбе молодых людей, не удержался от добродушной усмешки:

— Ого, как молодой супруг за мужа переживает! — подмигнул он. — Да ты не бойся! Пока дядя Линь рядом, нам ни свирепый вепрь, ни сам лесной владыка не страшны!

«Лесным владыкой» в Стране Великого Спокойствия уважительно именовали тигра. Встреча с этим грозным хищником сулила верную гибель, и даже опытные охотники обходили его угоды стороной. К счастью, свирепые кошки обитали лишь в самых непроходимых дебрях, и Линь Фэн за всю свою жизнь у горы Одинокого Шамана ни разу их не встречал. Сейчас он упомянул зверя лишь ради того, чтобы немного припугнуть робкого Сяо шуаньэра и похвалиться бывалой ухарской удалью.

Цзян Жан действительно испугался. Он боязливо отпрянул назад и мертвой хваткой вцепился в рукав Чжуншаня.

Чжуншань приобнял юношу за плечи и с мягким укором покачал головой:

— Дядя Линь, мой супруг очень раним, не нужно его пугать.

Затем он повернулся к побледневшему юноше и ласково заглянул ему в глаза:

— Жан-эр, дядя Линь просто шутит. Разве тигры бродят у самых дорог? Мы не станем углубляться в опасные дебри, осмотримся лишь у подножия.

Убедившись, что юноша немного успокоился, он с улыбкой добавил:

— А если твоему мужу повезет, я поймаю жирного зайца или фазана. Принесу домой, и мы сварим отличный наваристый бульон.

Пусть Чжуншань и не спешил переходить к супружеской близости, о которой рассказывали свадебные свитки, от привычки дразнить юного мужа он отказаться не мог. Слова вроде «твой муж» слетали с его губ так легко, что простодушный Жан-эр от смущения не знал, куда девать глаза, особенно при посторонних. Опустив голову, он лишь тихонько пробормотал себе под нос:

— Еще даже до леса не дошли, а уже о фазанах мечтаешь...

Хотя формального обряда ученичества не состоялось, Линь Фэн не смог устоять перед искренней заботой молодых людей и принял бамбуковую корзину.

Пока они вели неторопливую беседу, хозяин дома успел засыпать принесенное пшено в котелок и поставить его томиться, а из яиц приготовил нежную яичную кашу на пару. Как только нехитрая еда была готова, он настойчиво пригласил гостей разделить с ним трапезу.

Чжуншань и Жан-эр поначалу вежливо отказывались, полагая, что съесть собственное подношение — дело неподобающее.

Однако Линь Фэн с широкой улыбкой расставил деревянные миски и по-дружески хлопнул Чжуншаня по плечу:

— Ладно вам скромничать! Скажу прямо: я в последние дни прихворнул, в лес не ходил, и припасы в доме совсем истощились. Вы со своей корзиной подоспели как раз вовремя. Охота — труд тяжелый, требующий недюжинной силы. Чжуншань, тебе нужно хорошенько подкрепиться перед дорогой! Угостить мне вас больше нечем, так что не обессудьте — разделим то, что вы сами принесли!